

НУЖНА ЛИ В ШКОЛЕ история литературы?

Арсений Замостьянов

**Литература с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого
встречного, —
Дайте вздохнуть!..**

Н.А. Некрасов, 1862

В погоне за практицизмом мы подчас впадаем в суеверие моды, которое противоречит здравому смыслу. Вот и школьный курс литературы скукоживается под наступлением более модных курсов. Это логика смуты, логика революционных потрясений. Но каждая война заканчивается подписанием мирных соглашений, а каждая смута — умиротворением и новым «застоем». И всё-таки сегодня нужны новые крепкие аргументы «за» или «против» обязательного преподавания истории литературы в школе.

О художественной литературе предлагается говорить как о чём-то прекрасном, но второстепенном, подобно тихому музею в заповедной части города. Нельзя считать «искусством для искусства» русскую литературу, которая три века шла бок о бок с государством,

оказывая мощное влияние на идеологию, на самосознание народа. Это нерачительная позиция. И в школе литература не должна быть изящным эстетским рукоделием; она необходима нам как одна из основополагающих дисциплин, не иначе. К сожалению, разговоры о необходимости литературы сильные мира сего давно уже воспринимают как очаровательную болтовню, которую лучше всего пропустить мимо ушей. Увы, обратить внимание хозяев жизни на русскую литературу, на её наследие можно только во дни очень круглых юбилеев, которые стали превосходной ширмой для хитрого покера с бюджетными ассигнованиями. Когда, стерпев превращение Пушкина в рекламный бренд, отступая, мы можем на время отвоевать аррьергардные позиции для литературы. В современной России явственнее, чем когда-либо, погоду делают деньги. И классическая литература получает должное внимание только в связи с громкими юбилеями, вокруг которых шелестят бюджеты. После юбилеев остаются хорошие издания, нередко — и массовые, и доступные. Остаются библиотеки, ордена и премии. А от литературы, как правило, остаётся только монумент, которым, например, давно стал Пушкин.

Из школьной практики, как и из программы вступительных экзаменов в вузы, уходит классическое сочинение. Мы ограничиваемся изложением, проверкой навыков пересказа «с чужого голоса». Изложение — неплохое упражнение по изучению русского литературного языка, но не более. Оказывается, никого не интересует основной смысл изучения литературы: воспитание навыков гуманитарного мышления. Разве в XXI веке пропала необходимость в самостоятельном мышлении? В умении излагать на бумаге собственные мысли — пусть и приглашенные, как водится, в соответствии с общественными представлениями о хорошем тоне. Почему же в эпоху однопартийной идеологии, которую нередко называют тоталитарной, нужны были сочинения, а в свободном обществе — только изложения давно сформулированных мыслей? В 1987 году в острой полемике с замечательным ленинградским учителем Е.Н. Ильиным на страницах «Вопросов психологии» Г.Н. Ионин сформулировал весьма прогрессивный постулат: «На современном уроке (и это, на мой взгляд, действительно новая методологическая идея) ученик должен получить право на выбор своего метода активного постижения литературы, тяготеющего либо к художественной интерпретации, либо к публицистике, либо к усиленному и увлекательному исследовательскому поиску, либо чаще всего к индивидуально неповторимому сочетанию этих методов. Так можно решить проблему единства обучения и самообразования на уроке литературы с учётом специфики предмета и при условии постановки ученика в предельно активную роль. В этом принцип полифонического урока, на котором методы, избранные разными учениками, взаимодействуют и восполняют друг друга. Но ясно, что учитель, чтобы вести полифонический урок, должен владеть всеми специфическими методами и ни в коем случае не абсолютизировать один из них». Невозможно взвесить на аптекарских весах, насколько теории лучших учителей и методистов соответствовали реальной школьной практике. Конечно, не всё сбывалось, и принципы полифонического урока на бумаге выглядят более убедительно,

чем в жизни. Но сама установка на активное постижение литературы высоко поднимает планку. Самое средненькое сочинение в этом смысле куда полезнее отличного изложения. И потому сегодня дискуссия двадцатилетней давности вызывает приступ ностальгии. Иногда складывается впечатление, что мы в мазохистском приступе специально уничтожаем всё лучшее, наработанное десятилетиями, чтобы потом сладострастно тосковать по «светлому прошлому». Гуманитарная беспхозяйственность — болезнь опасная.

К наследию, которым мы владеем, нужно относиться бережливо, без ухарства. XX век был для русской словесности временем трагическим, но и благодатным. Развивались традиции литературного перевода — и русскоязычный читатель имеет куда более полное представление о зарубежной классике, чем его собрат из Англии, Франции или Испании. Для школы, конечно, куда важнее отечественная литература, но богатые залежи первоклассных переводов благотворно влияют на культурный контекст, и это важно. Традиции чтения, обсуждения книг, работы в библиотеках в нашей стране были куда более массовыми, чем у соседей. Культурологи не случайно говорили о «литературоцентричности» русской жизни. Сегодня климат изменился, литературоцентричность утеряна, но угли тлеют и требуют ответственного отношения к изучению литературы в школе.

Историко-литературный курс начинается в школе со «Слова о полку Игореве», с эпоса. Счастливое начало. Героический эпос в детстве воспринимается, может быть, точнее, чем в зрелые читательские годы. А потом начинается политизированная, рассудочная литература века Просвещения — победная и красивая, как эпоха Петра и Екатерины. Самый логичный аргумент против историко-литературного принципа — то, что наиболее архаичные (и сложные для восприятия) памятники литературы изучаются в младших классах, а более близкие нам произведения

XX века — в одиннадцатом. Действительно, поэзию Державина и Ломоносова нелегко понять и полюбить в восьмом классе. Но ведь и требования к изучению допушкинской литературы у нас вполне щадящие. Да, получается шапочное знакомство с Державиным — по наиболее эффектным и доступным строкам «Властителям и судиям». Более глубокое погружение в XVIII век возможно в специализированных классах и, разумеется, на филологических факультетах. А школьникам необходимо получить представление об эпосе и начальной эпохе русской светской литературы, чтобы ясна была последовательность событий, динамика развития литературы, истории, культуры. Чтобы ориентироваться в родной стране и её истории не на туристическом уровне. Хронологический принцип — это гигиена гуманитарного знания. Обрадует ли вас школьник, который может выдать высококолобый филологический анализ «Мастера и Маргариты», но не сумеет уверенно ответить на вопрос — кто был раньше, Пушкин или Тургенев, Булгаков или Гоголь? А мы таких школьников в последние годы встречаем всё чаще. Исторический принцип прививает изучению литературы необходимую логику и дисциплину, без которой славный художественный беспорядок, свойственный изящной словесности, пойдёт во вред. Отказавшись от хронологической логики, мы вскоре вообще утратим навыки школьного изучения литературной классики. Неуместные филологические изыски, лишённые социально-исторических скреп, — неверный, хлипкий инструмент. За последние три школьных года на уроках литературы мы изучаем историю, именно историю русской словесности. Если школьник будет иметь представление о культурном развитии своей страны на основе истории литературы, считаю, что сверхзадача выполнена. Войны, революции, реформы, архитектура — информация о достижениях эпохи должна дополнять разговор о литературном произведении. В начале девяностых эту логику попытались вытравить, как крамолу марксизма-социологизма. Что ж, мы получили наглядные доказательства актуальности социологизма и в XXI веке. Слишком уж мы стали иррациональными, обидевшись на марксизм.

Гуманитарные науки — не точные, но не до такой степени, чтобы опускаться на уровень

анекдотических представлений об истории Отечества и истории литературы, на уровне «Войско польско Берлин брало, войско русско помогало». Хронологический принцип, принцип историчности позволяет внести в курс литературы необходимую инъекцию точности, позволяет наиболее логично и броско *организовать* курс. Отказываться от исторического принципа сервировки курса русской литературы для старшеклассников — опрометчивость. Отказываться от историко-литературного принципа ради спорных литературоведческих изысков — абсурд. Как нельзя отказываться и от воспитательной роли уроков словесности.

Свято место пусто не будет

Вместо русской литературы в школу непременно придёт другой материал с заявкой на этическое значение. Только будут ли эти новшества соответствовать объективным требованиям государственной безопасности? Кандидаты на определение вектора нравственности в современной школе известны — прежде всего это новомодные международные системы. Улыбчивые каббалисты с ворохом бесплатных книжек в ярких обложках и прочими подарками давно научились делать из нравственности кока-колу и торговать ею, не обращая внимание на границы. Помните, как называлась школа, в которой Виктор Сорока-Росинский перевоспитывал трудных подростков, безотцовщину Первой мировой? Имени Достоевского! Благие дела закономерно ассоциировались с именами и образами классиков русской литературы. И это очень важный штрих культурного пространства. Теперь же газеты с умилением рассказывают, как в школу-интернат № 80 с подарками заехала певица Мадонна, не жалеющая миллионов на пропаганду каббалы по всему миру. Теперь идея благотворительности в воображении этих ребят и в умах их

учителей будет связана с образом заграничной дивы. А русская литература в такой атмосфере и впрямь покажется чем-то неактуальным. Разговоры о добре и справедливости, о дружбе и взаимопомощи ведут с младшеклассниками обаятельные апологеты «новой духовности». Может быть, лучше по старинке учиться благородству у Андрея Болконского и Фёдора Лаврецкого, размышлять о нравственном выборе Раскольникова, о судьбе страстной Катерины из «Грозы»? Да и высмеянный пародистами разговор о «лишних людях» не будет лишним. А ребятам помладше просто необходимы Кай и Герда, необходимы Муму и Герасим... Вот они, уроки сострадания, нередко приносящие настоящий катарсис с нестыдными слезами.

О Муму разговор особый

После разговора с «отличницей»-пятиклассницей посмотрел их учебник и хрестоматию по литературе. Много теоретизирования, рассуждений про «нарративы» и всяческого «введения в литературоведение». Зато отсутствует (и в четвёртом классе не было) «Муму». Почему-то этому гениальному рассказу составили сомнительную репутацию: «Ничего не читал, кроме Муму», «И Дюму, и Гюгу, и Муму» — это всё из репертуара сатириков. А потом и методисты засомневались: «Дети льют слёзы над «Муму», хотя сопереживанию можно научить и на другом, более жизнерадостном материале» (Е. Абельюк). Из более жизнерадостного материала в хрестоматии бросаются в глаза рассказы Эдгара По. Это и смешно, и грустно. Именно «Снежная королева» и «Муму» традиционно были столпами первых лет и месяцев изучения литературы. Язык, эмоции, наконец, социальные архетипы — всё здесь на месте. Может быть, сомневаться в правоте барыни нынче нелояльно? Да не только в этом дело. Изобретают наукообразный велосипед, облюбовали новомодные штампы — и не нужна им собачка.

Главный аргумент необходимости «Муму» в школьной программе прост: это шедевр. Шедевр Тургенева, который, помимо художественных и этических достоинств, поражает доступностью. «Муму» действительно любят и понимают юные читатели.

Спору нет, По — писатель удивительный, мистик и поэт, глубоко осмысливший собственную эстетику в теоретических работах, но в пятом классе на уроках литературы очень важно прочувствовать и полюбить музыку русской речи. По литературным переводам с английского русский язык не полюбишь... То, что Эдгар По не писал по-русски — это историко-литературный факт, известный каждому методисту. Думаю, в шестом-седьмом классе было бы полезно на «внеклассном чтении» ознакомиться с некоторыми рассказами «безумного Эдгара», а на уроке можно прочесть по два-три русских перевода самых известных стихотворений По («Ворона», «Эльдорадо» или «Аннабель Ли»). Сравнение переводов — хорошая «затравка» для спора на уроке литературы. Пускай сталкиваются вкусовые предпочтения, пускай школьники учатся излагать и отстаивать свою точку зрения, самую субъективную. А в изучении зарубежной литературы мы при всём усердии во многом остаёмся туристами, зеваками. Исключение из правила — античная классика, которая (так уж сложились судьбы истории культуры) хранит золотое сечение, закодированное и в наших душах.

Пятый класс, престижная московская школа. Снова листаем тетрадь «отличницы» и видим, как учителя создают впечатление респектабельности, подменяя литературу наукообразием. Программа весьма сумбузна: перемешаны произведения разных стилей, разных жанров и эпох. В течение недели школьнику приходится шарахаться от лирики Тютчева к прекрасной послевоенной сказке Тамары Габбе «Город мастеров». Но особенно неприятное впечатление производят теоретические установки. Ре-

бьята, которые к шестому классу так и не прочитают «Муму» и не изучат «Снежную королеву», обязаны глубокомысленно рассуждать о нарративной лирике... Да лучше уж как в довоенных сельских школах — читать на уроках вслух Тургенева или Горького, чтобы брало за душу, чтобы врезалось в память... Весьма спорные (а порой и вздорные) филологические экзерсисы отнимают время, отвлекают от собственно литературы. Конечно, нужно рассказывать школьникам о родах и жанрах литературы. Особенно, если речь идёт об углублённом изучении гуманитарных предметов. Но для того чтобы с этой информацией выходить на ученическую аудиторию, необходимо спрятать в карман собственные диссертационные разработки и говорить «завлекательным русским слогом», чтобы получилось и занимательно, и остроумно. Поэту Илье Сельвинскому когда-то хватило нескольких страниц, чтобы живо рассказать о жанрах и стилях без нехороших слов вроде «нарратива». Почему бы не возвратиться к его нарботкам, которые не отменены временем? Многим запомнились и детские радиоциклы, автором которых был Станислав Рассадин — «В стране литературных героев», «В стране Литературии». Беседы школьника Гены и профессора Архипа Архиповича исключали скучное рутинёрство, это была настоящая пропаганда настоящей литературы.

Разговор на равных

Лет двадцать спорят методисты и о Шолохове. Бьют дважды Героя Социалистического Труда за натурализм, за жестокость. А ведь за последние десять лет Шолохов стал актуальнее. Да, привыкать к казачьему диалекту молодым читателям бывает непросто, зато логика героев «Тихого Дона» и «Поднятой целины» современным подросткам куда понятнее, чем пионерам оранжерейных, вегетарианских и пуританских брежневских десятилетий. Островнов заморил голодом собственную старушку-мать — это одно из немногих описаний матерубийства в мировой литературе. В контексте нынешней криминальной хроники легче оценить эту трагедию, осознать грех. А тридцать лет назад это воспринималось как депрессивная страшилка, не имеющая отношения к реальности.

Е. Абелюк не считает возможным школьное изучение «Тихого Дона»: «Мир казачества, показанный автором «Тихого Дона», вообще поражает своей жестокостью и дикостью. Иногда примитивность и грубость героев показываются почти мимоходом (но всё равно с натуралистическими подробностями): «На площади, за пожарным сараем, где рассыхаются пожарные бочки с обломанными оглоблями, зеленеет крыша моховского дома. Шагая мимо сарая, Григорий сплюнул и зажал нос. Из-за бочки, застёгивая шаровары — пряжка в зубах, — вылезал старик...» Ряд картин изнасилований, драк и убийств, нарисованных в романе, можно множить и множить. Как хотите, а я не хочу читать с учениками это. Нет, я не за то, чтобы скрывать от них правду. Более того, привыкла относиться к ним всерьёз и без скидок. А значит, и разговаривать на равных и на совсем непростые темы. Но согласитесь, для того чтобы читать такой текст и не сломаться, нужен немалый жизненный опыт». А как оградить современного семнадцатилетнего человека от рок-музыки, молодёжного кино, от телевидения и Интернета? Я уж не говорю о непосредственном криминале. Неужели самая нравственная позиция — прятать голову в песок от шолоховского эпоса, в котором жестокая материя XX века представлена с несравненной глубиной. Но говорить в школе о «Тихом Доне» и «Поднятой целине» действительно непросто: при двух-трёх часах родной литературы в неделю. «Тихий Дон» имеет смысл подробно, глава за главой, изучать в школе, если мы посвятим ему целую четверть. Тогда этот гениальный эпос XX века послужит нам, как служила древним грекам «Илиада». Вероятнее всего, придётся ограничиться чтением избранных глав и кратким пересказом перипетий романов.

Факультет ненужных вещей

Всё меньше часов литературы получают школьники. И всё больше странных

новых предметов появляется в школьных расписаниях. «Экология», «граждановедение» — очень звучные, красивые и очень модные слова. Нужна ли в шестом классе отдельная дисциплина «граждановедение», отбирающая часы у истории и литературы?

Раз в неделю шестиклассники чинно приходят на урок экологии. За неделю в тринадцать лет проходит целая эпоха — и они, конечно, успели позабыть и прошлый урок, и домашнее задание. Чиновники оптичили новую дисциплину со звучным названием, это несомненное достижение. А школьники получили очередной «факультет ненужных вещей», очередной час в неделю для списывания друг у дружки домашних работ по алгебре и русскому письменному. Какая опрометчивость — заменить ещё не переваренными экспериментами привычные наработки. Вспоминается старая байка: когда короля футбола Пеле спросили, почему сборная СССР проигрывает Бразилии, он ответил: «Вы прекрасно боретесь со своими недостатками, а мы предпочитаем развивать собственные достоинства».

Революционный, экспериментаторский дух присущ реформаторам нашего образования много лет. В семидесятые они вздыхали на кухнях по свободе. И вот теперь не в силах остановиться, разрушают до основания всё, что попадает под руку. В школьной программе нет комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», но действуют наши администраторы по трактатам и прожектам Крутицкого: «Вот стоит стол на четырёх ножках, и хорошо стоит, крепко. Солидно. Дай попробую поставить его вверх ногами. Ну, и поставили». Привычная система преподавания литературы в школе неидеальна. Но она — не мертворождённая, в ней есть пространство и для творчества, и для эксперимента. Учителем

литературы был В.А. Сухомлинский. Учителем литературы является Е.Н. Ильин. Самые прорывные, спорные, самобытные фигуры в нашей школе за послевоенные полвека. И обоих тянуло в область этики — это тоже обусловлено природой русской литературы!

В начале девяностых годов, во времена марша пустых тарелок и шахтёрских забастовок, для многих интеллектуалов потрясением стала книга «Все произведения школьной программы в кратком изложении». Один не слишком пухлый том вместил все основные сюжетные линии русской литературной практики... Автор этого эксперимента — Игорь Родин — на некоторое время стал фигурой скандальной. Даже «исчадием ада» называли его ревнители русской словесности и просвещения. Между тем Родин решил задачу с филологическим изяществом и хорошим учительским запалом. Получился не просто сборник шпаргалок, а обучающая книга, и не случайно через несколько лет вышла в свет книга, которая стала одним из лучших школьных учебников литературы. Краткий пересказ литературного произведения — это непростой жанр, требующий эрудиции и художественных способностей. Во многих странах даже студенты-филологи изучают памятники *зарубежной* литературы по пересказам. Огромные эпические поэмы укладываются в несколько главок телеграфной прозы. Да, это эрзац литературы, но, как известно, за неимением гербовой приходится писать на простой бумаге, а иногда и на газетной.

Литература в школе необходима, история литературы в старших классах полезна, а вот трескучая филологическая фраза — это балласт, который, если уж взяли в путешествие, когда-нибудь придётся выбросить за борт. **НО**